

Куба – любовь моя. Глава пятнадцатая. Проблемы и решения

В 2020 году продолжаем публиковать оставшиеся главы воспоминаний инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»

18 июля впервые появился на горизонте (в виде технического задания) новый объект: мельничный комбинат в порту Карупано, провинция Лас Тунас (центр – город Камагуэй), где предполагалось строительства зерносклада на 10000 тонн и мельницы мощностью 600 т в сутки. Уже 24 сентября Роберто Гонсалес, симпатичный геолог гаванской ЭНИИ с африканскими корнями и мягкой приятной улыбкой, почти никогда не сходящей с его лица, сообщил о предстоящей командировке в Карупано через Камагуэй, которая состоялась с 30 сентября по 4 октября. Поехал я без переводчика, поскольку Роберто очень хорошо говорил по-русски. В Камагуэе к нам присоединился местный геолог Гиральдо Патиньо (Giraldo Patiño, патиньо - «дворик»), однокашник Роберто по учёбе в Ленинграде, но русским он владел гораздо слабее Роберто. Побывали на площадке в порту Карупано,

обсудили программу испытаний, я провёл несколько консультаций по технологии испытаний.

В этой командировке пришлось пережить очень неприятный эпизод. Когда мы с Роберто однажды вечером вышли на улицу, чтобы немного прохладиться в креслах-качалках на крыльце гостиницы, и вели неторопливую беседу, он спросил меня, как я чувствую себя среди кубинцев, какими они мне кажутся? Я ответил, что – великолепно, лучше, чем иногда среди соотечественников (что было правдой), потому, что наши не всегда бывают корректными. Роберто улыбнулся и сокрушённо покачал головой. Я заметил это и спросил: что ты хочешь сказать? И он поведал, что в минувшем году был в Ленинграде на курсах повышения квалификации. Однажды зашёл в магазин, выбил чек, подошёл к продавщице и назвал купленный продукт. При этом, как принято на Кубе в таких ситуациях, он улыбался. Продавщица, беря чек из его руки, бросила: «Что лыбишься, чёрная морда!»

Мне стало стыдно. Я обнял его за плечи и сказал: «Прости её, дуру, Роберто, понимаю тебя! К сожалению, такое у нас бывает».

Хочу ещё добавить об этой командировке, что это была самая дальняя моя поездка по земле на Кубе: до Камагуэя ехали рейсовым автобусом, в Камагуэе две ночи провели в отеле с таким же названием, затем на джипе – до Пуэрто Падре, где жили в «Голубой вилле» (Villa Azul) и оттуда ездили в Пуэрто Карупано. В заливе Карупано я решил искупаться несмотря на сильный ветер и мутную воду. Ничего нового не увидел, потому что прозрачность воды была не более 20–30 см, да ещё на отмели наколол коленку о морского ежа, уже на берегу извлёк 4 обломка игл до 5 мм. Питались по-кубински: ели знаменитую рыбу паргу, пиццу, йогурт, по дороге в Камагуэй и обратно на остановках пили сок из сахарного тростника – гуарапу, выжатую при нас специальной ручной машиной из стеблей тростника, которые кучкой лежали на полу в павильоне.

Это было самое начало работы по этому объекту. По приезде в Гавану явился за консультацией инженер из Камагуэя Perrote Manuel Rodrigues – подробно обсудил с ним, почему сопротивление срезу морских глин в основании силосов и мельницы необходимо изучать сразу по двум методам: консолидированному дренированному (медленному) срезу и неконсолидированному недренированному (быстрому) срезу в связи с особенностями эксплуатации силосов при возможности их внезапной и быстрой загрузки на предельную величину.

Многие вопросы для кубинских инженеров были откровением, но воспринимали ответы хорошо, при этом я ни разу не брал время для подготовки ответов, а при написании расчётных формул не пользовался ничем, кроме памяти. То, что все ответы проверялись и по нормативным документам, и консультациями с другими специалистами, я знал (ко мне не один раз обращались за комментариями к рекомендациям других советских специалистов, значит, так же проверялись и мои рекомендации), но уличить меня в ошибках ни разу не смогли. Правда, как-то явился с вопросом один инженер, потом, по прошествии двух-трёх месяцев с этим же вопросом пришёл другой. Через несколько дней он вернулся и сказал, что вот такому-то специалисту я отвечал иначе. Я тут же открыл свой дневник и прочитал ему, что я отвечал тогда. Оказалось, что это была проверка, не изменилась ли моя точка зрения по сложному вопросу. Бывали и консультации по вопросам выполнения изысканий по спецобъектам, тоже оставались довольны. Перед тем, как выдать своё окончательное заключение по отчётам, где изыскания выполнялись кубинской стороной, я ставил условием обязательный выезд на площадки. Многое полезное проясняется при их визуальном осмотре.

Где-то в это время появился в ЭНИИ Мигель Ангел, хорошо подготовленный и здравомыслящий специалист. Не скажу сейчас, какую должность он тогда занимал, но с его участием проводилось большинство совещаний по техническим вопросам. Именно с ним мы упорядочили перевод и передачу советских нормативных документов по инженерным изысканиям, начиная с перечня таких документов. Он всегда прислушивался к нашим рекомендациям и принимал организационные меры по устранению упущений. 18 октября разобрались с Ривасом и переводчиком, что такое «коэффициент постели». Нашли испанский термин после того, как я изложил ему физическую сущность определения.

Следующая командировка в Камагуэй и Пуэрто Карупано с 20 по 24 октября. Патиньо пожаловался, что не получается понижение воды при откачке насосом производительностью 5 л/сек. Объяснил ему причину (не исключено, что качают из закарстованных калькаренигов или даже из карстовой полости) и что надо делать, а также обратил его внимание, что на данной площадке упор надо делать не на откачки, а на испытания грунтов штампами. В целом бесполезная поездка. На обратном пути в Гавану было очень жарко, на остановках нигде не могли найти питьевой воды. Тогда Роберто Гонсалес предложил выпить коктейль из устриц. От жажды я согласился. Непередаваемый солоноватый вкус мутной слизи, напоминающей ту, что откашливается при простудном заболевании, чтобы она не выскочила обратно, все полстакана проглотил залпом. Пока переживал шок поглощения, жажда прошла, до самой Гаваны (часов 6) пить не хотелось. При возвращении уже в Старой Гаване в 3 минутах езды до вокзала нас зацепил при обгоне справа автобус, сломал зеркало и фонарь-указатель поворотов. В дискуссии водителей потеряли около часа. По возвращении в Гавану принял участие в совещании в министерстве пищевой промышленности по вопросу проведения изысканий в Карупано.

Надо сказать, что объём записей в моём производственном дневнике существенно увеличился после отъезда В.И. Мартина (он уехал 20 сентября 1986 года – последним из прежнего состава главных – principal – специалистов), когда в нашей головной группе кроме руководителя А.А. Сергеева и меня остались только два переводчика. Если раньше запись в конце дня составляла одну-две строчки, а иногда просто: «то же», то теперь она иногда превышала – в предельно сжатом виде – половину страницы. Приходилось принимать участие во множестве совещаний на разных уровнях и практически на каждом я обращал внимание кубинских партнёров на требования технических заданий выполнять изыскания по советским нормам, как предусмотрено контрактом, поскольку почти все объекты проектируются советской стороной и по советским нормам. 5 ноября 1986 года Роберто Гонсалес сообщил мне, что они имеют распоряжение дирекции ЭНИА выполнять всё только по кубинским нормам. На мой вопрос, а как будет вестись проектирование советскими специалистами в г. Куйбышеве по советским нормам – Роберто только улыбнулся и пожал плечами.

12 октября в море во Флоресе напротив маяка на глубине 2,5–3 м видел песчаную мурену. Как змея, извиваясь, ползла по дну. Небольшая, сантиметров 50–60, коричневато-жёлтая с тёмно-коричневыми пятнами ёлочкой на спине.

Рис. 1. У памятника В.И. Ленину в одноимённом парке

Рис. 2. С уловом на пруду Campo Florido (цветочное поле)

1 ноября были в Национальном театре на площади Революции, смотрели балет «Жизель» с бразильскими артистами в заглавных ролях. Сидели на втором балконе на высоте около 20 м и в 30–40 м от сцены. Был не в восторге, возможно, я просто не понимаю

балета. Видимо поэтому самое сильное впечатление на меня произвели летучие мыши, носившиеся по затемнённом залу во время спектакля.

4 ноября утром совместно с работниками Министерства строительства посетили парк Ленина, возложили цветы к памятнику В.И. Ленину, самому большому в западном полушарии (рис. 1), вечером присутствовали на торжественном собрании в честь 69 годовщины Октябрьской революции.

Заодно скажу несколько слов о парке. Находится он в восточной части Гаваны, занимает площадь несколько гектар. Кроме памятника Ленину, в нём находится ещё и своеобразный зоопарк, в котором тропические травоядные животные пребывают не в вольерах, а на свободе (рис. 4), самостоятельно отыскивая и поедая подножный корм (где пьют воду – не видел). Люди (экскурсанты) перемещаются по парку только в закрытых автобусах, чтобы не беспокоить животных, мирно пощипывающих травку. Хищников, разгуливающих на воле, в этом зоопарке нет. Я побывал на экскурсиях два или три раза (один раз совместно с В.Д. Ломтадзе).

А 8 ноября после долгого перерыва начал резать фигуру «чиму» (Перу) по фотографии из книги Луиса Боглара и Тамаса Ковача «Индийское искусство от Мексики до Перу» оригинал примерно 1200 года – одна из масок, которая радует меня до сих пор (рис. 3). Закончил её резать 7 декабря, а подставку оформил ещё позже, по собственному рисунку изобразил фигурку ягуара.

Рис. 3. Маски

23 ноября ездили на рыбалку на пресноводный пруд в Кампо Флоридо (цветущее или цветочное поле). Поймал 3 крупных карпа и десятка два рыбок, похожих на наших окуньков, но чёрных и не колючих (рис. 2).

24 ноября 1986 года приехали Безгин Николай Петрович из московского загранотдела и Метс Майт Александрович из Таллинна – для участия в работе комиссии Госстроя РСФСР по проблеме изысканий для строительства никелевого завода в Моа (Лас Камариокас). По окончании работы комиссии Безгин остался в нашей группе на должности главного геолога вместо В.И. Мартина (но у меня работы почти не уменьшилось). С Метсом до начала работы комиссии я случайно столкнулся в ГКЭС (увидел чем-то знакомого «новенького» в коридоре и поинтересовался, в какую группу он прибыл; оказывается, до этого мы с ним принимали участие в работе нескольких общесоюзных конференций по инженерной геологии) и, узнав о цели приезда, коротко ввёл его в курс дела. По завершении работы комиссии я мельком увиделся с ним, и он успел сказать, что мнения членов комиссии по проблеме разошлись и, с его слов, он высказался примерно так же, как и я, голоса членов комиссии разделились поровну, то есть, эта комиссия не пришла к единому решению. Надо отдать должное Д.Г. Чхеидзе: он не забыл мою реплику и предупредил Сергеева, чтобы я ни в коем случае не встречался с членами комиссии.

К сожалению, на этом проблема продолжения строительства никелевого завода не исчерпалась. Через некоторое время уже в 1987 году на Кубу прибыла другая комиссия – уже от Госстроя СССР под председательством профессора МГУ Георгия Сергеевича Золотарёва. Она сразу улетела на восток острова, а мы, главные специалисты группы «Стройизыскания» практически в полном составе пребывали в это время в городе Камагуэй, где помогали местным и гаванским геологам заканчивать написание отчёта по зернохранилищу в Пуэрто Карупано. Вдруг позвонил из Гаваны Сергеев и сказал, чтобы Банникова и Безгин тоже отправились в Моа в качестве «группы поддержки» при работе комиссии. Что вы там будете делать? – спросил я Банникова. «Базлать при необходимости». То есть? – не понял я. «Ну, выкриками с места помогать комиссии принять *нужное* решение». Дня через три она вернулась в Камагуэй, нещадно ругая Золотарёва.

Рис. 4. В зоопарке им. В.И. Ленина

Я понял, что там произошло что-то неординарное, не стал расспрашивать, и только примерно через месяц узнал подробности. Оказалось, что когда она начала выполнять свою задачу, Золотарёв посмотрел на неё внимательно и спросил кого-то из членов комиссии: «Кто это?». Когда ему сообщили, он продолжил работу, но при очередном голосе А.В. повернулся к ней и сказал: «Вы мешаете работе комиссии. Выйдите, пожалуйста, и больше не принимайте участия в её работе». Когда мы вернулись в Гавану, комиссия Госстроя уже улетела в Москву, а Сергеев при первой же встрече отозвал меня в свой кабинет в здании ГКЭС и дал прочитать черновик её итогового акта с требованием по прочтении вернуть. Я при нём внимательно прочёл его и понял, что выводы комиссии почти по всем деталям совпали с моей памятной запиской, переданной Сергееву в момент, когда он принял дела от Никитина. Дочитав, улыбаясь, вернул бумаги примерно со словами: а я что говорил? На что он покивал головой, но никаких слов не сказал.

Продолжение следует.